

УДК 811.11-112
ББК Ш102.2

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Н. Б. Руженцева N. B. Ruzhentseva
Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ
ВЗАИМОДЕЙСТВИИ:
СМЕНА ПАРАДИГМ**

**INTEGRATION
IN INTERCULTURAL INTERACTION:
THE CHANGE
OF PARADIGM**

Аннотация. *Сделана попытка обобщения современных речевых процессов, связанных с расширением сферы межнационального взаимодействия. Межъязыковая интеграция, межъязыковые контаминаты, жанрово-стилистические изменения, гибридизация текстов, сдвиги в концептосфере свидетельствуют о том, что речевые процессы, идущие в настоящее время в России, способствуют смене коммуникативной парадигмы на межнациональную, главным признаком которой является диффузия иноязычных элементов в русской речи и тексте.*

Abstract. *The article generalizes modern uses of speech connected with the expansion of the sphere of international interaction. International intergration, interlingual contaminations, changes in genre and style, hybridization of texts and changes in the conceptual sphere give evidence of the fact that speech processes taking place in Russia to-day cause a change of the former communicative paradigm into an intercultural one, the main feature of which is diffusion of foreign language elements in Russian speech and texts.*

Ключевые слова: *межнациональный дискурс; межнациональная парадигма; речевая ситуация эпохи; межъязыковая интеграция; гибридизация языка, речи и текста; жанрово-стилистические процессы; конфликт интеграции и конфронтации.*

Key words: *international discourse; international paradigm; speech characteristics of the epoch; interlingual integration; hybridization of language, speech and text; genre and style processes; conflict of integration and confrontation.*

Сведения об авторе: *Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и межкультурной коммуникации.*

About the author: *Ruzhentseva Natalia Borisovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.*

Место работы: *Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).*

Place of employment: *Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.*

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285.
e-mail: verbalis@mail.ru.*

На протяжении XIX—XX столетий Россия была, пожалуй, самой читающей страной мира. Это определяло литературоцентричность сознания россиян и развитие у них аллюзийного мышления. В основе такого мышления лежит «погруженность в культуру вплоть до полного в ней растворения... Это жизненное ощущение собственной интертекстуальности и составляет внутреннюю стилистику постмодернизма, которое хаосом цитат стремится выразить свое ощущение» [Ильин: 335—336]. К концу 80-х гг. XX в. в мышлении россиян явно преобладала интертекстуальность — «полилог культурных языков» [Сметанина 2002: 87].

Но мир меняется. В условиях глобальных интеграционных процессов поколение, сформировавшееся в 90-х гг. XX в., — это уже отнюдь не литературоцентрическое и культуроцентрическое поколение. Это поколение компьютерной эпохи, «виртуальной реальности», традиционный культурный фонд которого начал стремительно уменьшаться или изменяться по сравнению

с культурологическим тезаурусом предшествующих поколений. Об этом свидетельствуют прежде всего научные исследования, для которых характерны следующие заявления: «Необходимо отметить, что современные студенты-филологи уже плохо знают произведения советской литературы, которые в настоящее время не изучаются в школе или рассматриваются обзорно» [Бирюкова 2005: 12].

В свою очередь, современная молодежь начала проявлять повышенный интерес к изучению английского языка. Этому способствовали а) расширяющиеся международные связи (свободный выезд за рубеж, обмен студенческими группами, культурные международные программы); б) необходимость знания англоязычной компьютерной терминологии, включение в интернет-общение; в) появление новых, пришедших с Запада сфер деятельности (рекламы, менеджмента, маркетинга, связей с общественностью и др.). Повышенный интерес, особенно в восточных регионах РФ, наблюдается и к изучению китайского языка, что обуслов-

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ (проект 6.2985.2011 — «Политическая метафорология»).

© Руженцева Н. Б., 2013

лено стремительно расширяющимися экономическими и культурными связями России и Китая.

Возрастающая интенсивность межнациональных контактов детерминирует, с нашей точки зрения, выраженные изменения в речевой ситуации эпохи. «Жизненное ощущение собственной интертекстуальности» сменилось жизненным ощущением собственной включенности в мировые процессы. Это, как мы считаем, определило тенденцию к смене парадигм, соотносимую со всем многообразием дискурсивных разновидностей. Постмодернистская интертекстуальная парадигма в ее конкретных речевых и текстовых реализациях стремительно переходит в парадигму межкультурную, межнациональную, о чем свидетельствует целый ряд живых, динамических процессов. Попробуем коротко остановиться на важнейших из них, а также на некоторых тенденциях межнационального общения. Заметим предварительно, что тенденции в межнациональном, межкультурном взаимодействии связаны как с письменной, в том числе с интернет-коммуникацией, так и с коммуникацией устной. Об этом свидетельствует огромный массив текстов, само наличие которых отражает основные процессы XXI в. — информатизацию и глобализацию.

1. МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

В настоящее время происходит лавинообразный наплыв англоязычной лексики в русскую речь, о чем уже неоднократно говорилось исследователями в связи с тем, что на роль глобального мирового языка претендует именно английский. Но этого мало. Еще несколько десятилетий назад заимствованное слово осваивалось фонетически, морфологически, семантически, «подчинялось законам развития русского языка, его функционально-стилистическим нормам» [Фомина 1983: 144]. По такому основанию, как полнота освоения заимствований русским языком, М. И. Фомина выделяет следующие группы заимствований: калькированные полностью или частично (лексические кальки, семантические кальки, полукальки), полностью русифицированные, частично русифицированные, нерусифицированные [Там же: 146—147]. Однако в настоящее время наблюдается явная тенденция к включению в текст частично русифицированных или нерусифицированных, неосвоенных заимствований, которые передаются графическими средствами русского языка без перевода или употребляются в оригинале, ср.: *С первых дней рейлы*

стремительно опустошаются новыми поклонниками бренда — fashion — рассказ о восьмидесятих-девяностых в коллекции fall-winter 2012 пришелся гостям по вкусу. В Sonia by Sonia Rykiel, казалось бы, напроць забыли о строгих костюмах и идеальных дуэтах. Сегодня среди must-haves: объемные мягкие свитеры — в повседневных луках, и mix&match — в активном использовании. Среди ключевых моментов — соседство на рейлах свободных брюк и уютных oversize-пуловеров с простыми белыми платьями, юбками телесного цвета и струящимся трикотажем (журнал «Стольник», ноябрь 2012).

Приведенный текст является свидетельством того, что в настоящее время английскую лексику стали использовать в готовом виде, не делая никаких попыток подобрать синонимические эквиваленты, не думая о чистоте родного языка, о мнении ученых-лингвистов, о бережном отношении к родному языку и т. д. Собственно лингвистическая (точность словоупотребления) и прагматическая (экономия речевых средств, а также обращение к фактору адресата — молодого человека, в известной степени владеющего английским языком) потребности отодвинули на задний план все вопросы о соотношении в тексте «своего» и «чужого». Эта тенденция реализуется не только в гляцевых журналах. Она восходит к разговорной речи, ср. фрагмент из интервью: *...Вот на Западе есть совершенно официальные собрания для таких, как мы, семинары, все так культурно. А у нас только лайфстайлеры ходят, крутые такие. И в Сети флудят, не люблю флуд* (Русский репортер. № 41 (169), октябрь 2010).

2. ТЕНДЕНЦИЯ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАМИНАТОВ

Во-первых, это словообразовательные контаминаты, слова, одна значимая часть которых уже давно вошла в русский язык, а другая является недавним заимствованием: *милитари-крой, fashion-сайт, брюки-t-shirt, монобрендовый бутик, спа-косметика, подвеска-шарм* и др.

Во-вторых, огромное распространение получили синтаксические контаминаты. Приведем словосочетания и предложения, включающие русскую и иноязычную лексику в готовом виде и взятые из гляцевых журналов: *предмет аутфита; сезоны, известные своей любовью к миксу различных принтов; закоренелые fashion-виктимс; топовый европейский блог; повседневный лук; тотал лук Шанель; женственное ардеко платье; насыщенный график съемок*

и events; must-have, мимо которого не пройдут подкованные в fashion; Умело управляться с Mix&match — последний столичный тренд, выдающий настоящих поклонников интеллектуального fashion; Во время ежегодной mega fashion weeks лицо проекта, певица Глюкоза (Наталья Чистякова-Ионова), на своем примере показала столичный тренд — соседство в гардеробе luxe масс маркет брендов; К популярному сегодня mix&match я отношусь настороженно; екатеринбургская элита любит танцевать на after-party в Hyatt Regency; Богатый питон в виде сумки-малышки не обязывает к строгому дресс-коду; Не бывает такого, чтобы я надела один лук дважды и др.

3. ТЕНДЕНЦИЯ К ГИБРИДИЗАЦИИ ТЕКСТА

С межнациональной точки зрения гибридными мы считаем, во-первых, тексты с регулярно повторяющимися иноязычными элементами, образующими в совокупности с русской лексикой речевую/текстовую ткань, ср. мнение Ю. А. Бельчикова о стилистической гибридной текстности: «Наличие в тексте регулярных иностилевых речевых средств, обусловленных функциональным назначением соответствующей совокупности текстов, образующих известное функционально-стилистическое единство, придает данному тексту (и подобным ему) особые стилистические черты, которые позволяют квалифицировать этот текст как контаминированный, гибридный» [Бельчиков 1996: 340—341]. Во-вторых, гибридные тексты отличаются конвергентностью (под конвергенцией в данном случае мы понимаем схождение достаточно большого числа заимствований в небольшом фрагменте текста). К гибридным можно отнести как тексты, включающие англицизмы, так и тексты с массивными заимствованиями из других языков, ср. фрагмент текста о китайской кулинарии (для удобства мы опускаем иероглифические написания, также присутствующие в оригинале): *В китайской кулинарии существует более двадцати видов приготовления пищи: обжаривание с двух сторон (дзень), жарка на большом количестве масла (чхао), жарка во фритюре (джа), тушение (шао), копчение (сюнь), гриль (кхао), варка на пару в бамбуковых ситах (джэн), варка в воде (джу), варка в бульоне со специями (хуэй), варка в сое (лу) и т. д.*

Китайская кухня поражает своим многообразием. В каждом городке и уезде Китая готовят блюда, характерные только для этой местности. Считается, что во всем Китае существует свыше 5000 раз-

личных наименований блюд. Знаатоки китайской кухни выделяют 5 основных кулинарных направлений: „шандунская“ (лу цхай), „сычуаньская“ (чхуань цхай), „хунаньская“ (сян-цхай), гуандунская (юэ-цхай) кухни и кухня провинции Цзянсу (су-цхай). Наиболее разнообразной и экзотической является гуандунская кухня [Благой 2005].

4. ТЕНДЕНЦИЯ К ГИБРИДИЗАЦИИ (СМЕШАННОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ СОСТАВУ) АВТОРСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ

Это явление чаще всего связано с учебно-научным дискурсом, например: А. А. Акишина, Хироко Кано. Словарь русских жестов и мимики; Ю. А. Антонова, Н. Б. Руженцева, Ли Минь. Стилистика и культура русской речи: учебное пособие для китайских студентов, изучающих русский язык; Н. И. Коновалова, Ян Кэ. Метафорический параллелизм в русских и китайских поговорках; Сюй Сяо Бо, И. П. Лысакова. Национальная специфика языковой объективизации категории „вежливость“ в русской и китайской коммуникативных культурах — и т. д. Однако тенденция к образованию смешанных межнациональных коллективов прослеживается и в иных видах дискурса, например публицистическом. Примером тому может служить книга шведской писательницы Веры Эфрон «Продана» (М.: Рипол-классик, 2009), созданная ею вместе с русской девушкой, ставшей жертвой торговли людьми. Вот что пишет о совместном создании книги сама Вера Эфрон: *Когда я увидела Наташу, невольно вспомнила о своей дочери. Наташа была чуть младше нее, и это произвело на меня неизгладимое впечатление. Подобная трагедия могла случиться и с моей дочерью. Не застрахован никто. Поэтому я уговорила Наташу начать работу над книгой. Мы хотели рассказать людям о траффинге, объяснить, предупредить. Бороться против этого нужно всем вместе.*

5. ЖАНРОВЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Эти процессы активно развиваются в связи с международной туристической, экономической, рекламной, образовательной, медицинской и иной деятельностью. За последние 20 лет получили развитие жанры туристского каталога и туристских проспектов, а также разговорника и справочника. Были изданы сотни учебников, учебных пособий и словарей для иностранцев, изучающих русский язык. Получила распространение новая разновидность учебных текстов — двуязычное учебное пособие, примером чему может служить «Страноведение Китая»

(автор — профессор Сунь Вэньфан), в котором материал представлен одновременно на русском и китайском языках. В рамках научного и публицистического дискурсов появилось множество публикаций, отражающих взгляд на культуру иных стран и на людей иных национальностей (иногда в сопоставительном аспекте «русские — иностранцы»). В связи с последним хотелось бы отметить появление новых текстовых форм, например такого интересного жанра, как «Взгляд из-за границы».

Однако жанровые процессы связаны не только с появлением новых видов текста, но и с видоизменением старых, приспособлением последних к изменениям эпохи. К такого рода жанровым процессам можно отнести, во-первых, креолизованный характер текстов, повышение роли изобразительного ряда; см., например, «Словарь комиксов и манга», составленный Ксенией Козловой (СПб., 2003) и включающий описание «манга» (японского комикса) в рамках двух семиотических систем — вербальной и визуальной. Во-вторых, это активное втягивание чужих жанровых форм в пространство русского текста. Примером может служить обыгрывание Б. Акуниным известного японского жанра хайку в «Алмазной колеснице»:

*Казалось — конец,
И надежды нет. Но вдруг —
Первый луч солнца.*

В третьих, это собственно внутритекстовые процессы. Так, жанр межнационального туристского проспекта отличается от аналогичной внутринациональной формы введением таких лексических и текстовых компонентов, как а) мини-разговорники, б) лексика, репрезентирующая национальные реалии, к примеру, национальные блюда в российско-турецком проспекте (*суджук, салам, яйла чорбасы, мерджимек чорбасы, тулумба, кадайф, баклава* и др.), в) культурологические справки, нацеленные на совмещение культурного фонда коммуникаторов, г) прескрипции, регулирующие поведение иностранцев в чужой стране, д) прецедентные феномены, соотносимые с историей и культурой представляемой страны, и т. д.

В-четвертых, это имитация чужих жанровых форм, в том числе их пародирование. Так, известная на Востоке форма текста (диалог учителя и ученика) получила многократное пародийное представление в анекдотах, созданных россиянами, ср:

*Учитель Чхишвабрашван спросил од-
нажды у своего ученика Япутры:*

— Как звучит хлопок одной ладонью?

*Япутра не раздумывая вмазал Учителю
почечину.*

*— Не совсем верно, Япутра, но ты сде-
лал это не раздумывая, не подключая ум,
а значит, ты постиг Дзен. Иди с миром,
вали отсюда!*

*Так Шри Япутра стал учителем [Дао-
Какао].*

6. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Данные процессы связаны со стилистической гибридизацией текстов, смешением национальных манер выражения мысли. Так, стиль серии романов Хольма ван Зайчика (псевдоним группы авторов) отличается использованием разных стилистических регистров — имитации устаревшей старорусской манеры и манеры китайской письменности. Сказанное особенно заметно при включении в текст чужой речи — цитат из произведений Конфуция: *Изделия поселковых мастеров можно приобрести буквально по всей необъятной Ордуси, особенно славятся искусно вытканые коврики с изображением сцен из жизни благоверного князя Александра: „Благоверный князь Александр созерцает лебедей“, „Князь Александр вступает в единоборство со свирепым тигром“, „Волки алчут вразумления у великого князя“... В Разудалом обосновались простые и бесхитростные ордусяне, не ищущие иной жизни и справедливо полагающие истинным речение из двадцать второй главы „Бесед и суждений“ Конфуция, понятое ими, увы, несколько прямолинейно: „Благородный муж, напрягая все силы, идет путем соблюдения гармонии, а благородный народ, вторя ему, делает, как умеет, свое дело и, как умеет, радуется“* (Хольм ван Зайчик. Дело лис-оборотней).

7. ПРОЦЕССЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ

С нашей точки зрения, в настоящее время концептуальное пространство общества и личности претерпевает большие изменения. На задний план отходит часть локальных концептов, соотносимых с бытом той или иной страны. В русской концептосфере это концепты типа *валенки, сарафан*, которые, смеем утверждать, давно уже не включаются в концептосферу современной личности, а являются лишь лексемами, находящимися на периферии лексического тезауруса. Зато все большее значение приобретают интернациональные концепты, перешедшие в мировую концептосферу из локальных, а также концепты глобальные, цивилизационные. К концептам первого рода

относятся, например, концепты *йога*, *водка*, негативно-оценочный концепт *генно-модифицированные продукты*, концепты типа *китайская медицина* и *тайский массаж*. Ко второй группе принадлежат концепты типа *сайт*, *мобильная связь*, концептуальная дихотомия *Запад — Восток*, а также концепты, соотносимые с культовыми фигурами XX в., — политиками, изобретателями, деятелями шоу-бизнеса, т. е. людьми, оказавшими огромное влияние на бытие и общественное сознание всего человечества.

8. ТЕНДЕНЦИЯ К ПРЯМОМУ ИЛИ ОПОСРЕДОВАННОМУ ДИАЛОГУ

Характеризуя основные тенденции общения нового времени в статье «Основные тенденции развития общения в первой половине XXI века (попытка прогноза)», И. А. Стернин писал: «...в общении в ближайшие десятилетия будут наблюдаться такие глобальные процессы, как орализация общения (преобладание устной формы общения над письменной) и его диалогизация (диалог все больше будет преобладать над монологом) [Стернин 2003]. Думается, что первый прогноз (преобладание устной формы общения над письменной) оправдался к 2013 г. не в полной мере, ввиду широчайшего распространения интернет-коммуникации, в которой письменная форма в настоящее время преобладает над устной (общением по скайпу), а также мобильной связи. Число отправляемых SMS (письменная форма) сейчас едва ли не больше числа звонков (устное опосредованное общение). Однако второй прогноз — о преобладании диалога над монологом — оправдался, как мы считаем, полностью, и это в полной мере касается межнациональной письменной коммуникации. Диалогическое начало особенно явно ощущается в международных рекламных изданиях. Проиллюстрируем это на примере каталога «Моя спальная система» (2012), рекламирующего продукцию немецких и датских производителей. Авторы-составители каталога достаточно четко представляют себе потенциального потребителя своей продукции и ведут с ним своеобразный письменный диалог, стараясь предугадать все вопросы, рассеять сомнения и предупредить пожелания. В структуру каталога, кроме собственно описания продукции, входят следующие текстовые компоненты, генетически восходящие к устной речи (приведем заголовки к текстам, входящим в каталог):

1.10 *советов для улучшения сна* (совет — форма устного межличностного общения).

2. *Меняем жизнь к лучшему!* (эксплицированное побуждение, апеллатив, тоже восходящий к устной речи).

3. *8 мифов о матрасах и фактов о TEMPUR* (рассуждение-опровержение и рассуждение-доказательство, предупреждающие возможные сомнения потенциального клиента).

4. *Насладитесь комфортным сном на матрасах TEMPUR // Почувствуй разницу* (побуждение, прямая апелляция к адресату).

5. *Часто задаваемые вопросы о TEMPUR* (предупреждение актуальных вопросов, например: *Можно ли стирать материал TEMPUR; Как подобрать подушку? Рекомендуете ли вы детям спать на матрасе TEMPUR? Какова гарантия на продукты TEMPUR?* и т. д.).

6. *Более 50000 ортопедов во всем мире рекомендуют TEMPUR-MED* (ссылка на авторитеты, ответные реплики на возможные сомнения потенциальных клиентов).

7. *Отзывы наших покупателей* (диалог тех, кто уже купил рекламируемую продукцию, с потенциальными клиентами).

Заметим, что диалогизация письменного межнационального русскоязычного общения крайне важна именно для России ввиду ограниченности непосредственных устных межнациональных контактов и плохого знания иностранных языков большинством россиян. Тексты же, имитирующие устное общение, устраняют коммуникативные барьеры, сближая россиян с людьми иных национальностей и тем самым создавая почву для взаимопонимания.

9. ТЕНДЕНЦИЯ К УВЕЛИЧЕНИЮ ЧИСЛА ТЕКСТОВ, СОДЕРЖАЩИХ ПРЕСКРИПЦИОННУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ

Такие тексты предписывают, как надо / не надо вести себя при общении с людьми иных национальностей. Прескрипции могут иметь прямой (рекомендательный, конструктивный и даже запретительный) характер, но могут быть и косвенными (истории, случившиеся с россиянами во время пребывания за границей, в которых репрезентированы косвенные рекомендации). Такие предписания дают для своих соотечественников и россияне, и иностранцы. Вот пример прямой прескрипции с англоязычного сайта:

Не платите за себя

В этом русские поразительно отличаются от западноевропейцев. Они не приемлют угощения, когда каждый платит сам за себя. Так, если вы пригласили леди в ресторан или куда-нибудь еще, не ожидайте, чтобы она заплатила за себя, но вряд ли вы увидите ее снова. При ней даже может не быть денег. Если они не предпола-

гают спастись от маньяка или убежать через запасной выход, россиянки думают, что не надо брать с собой деньги, если рядом мужчина [Десять русских табу: взгляд из-за границы].

В свою очередь, интернет-сайты типа «Архив путешественника» публикуют массу историй, случившихся с россиянами, пренебрежими социокультурными нормами той или иной страны. Тем самым авторы предупреждают соотечественников о возможных последствиях, например: *В турфирме меня не предупредили, что в Лондоне нельзя пинать собак и кошек, даже если они бездомные! Но я всего лишь отодвинул с дороги черного котяру, а его хозяин потащил меня к полицейскому. Меня даже хотели оштрафовать — а за что?!* (жалоба нашего соотечественника, проведшего неделю в Великобритании).

10. ТЕНДЕНЦИЯ К УСИЛЕНИЮ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Эта тенденция связана с несколькими типами дискурсов — образовательным, научным, туристическим и публицистическим. Широкое понимание адаптации предполагает не только приспособление человека к изменениям условий окружающей среды, но и приспособление человека к жизни в обществе в соответствии с требованиями этого общества, а также собственными потребностями, мотивами и интересами. Так, в образовательном дискурсе при обучении иностранцев в России адаптационная стратегия реализуется достаточно широко и соотносится с целым набором конкретных тактических схем, среди которых: а) тактика простой адаптации текста (редукция текста, упрощение его для более легкого восприятия и понимания); б) тактика адаптации к речеведческим особенностям и различиям в коммуникативном поведении жителей разных стран; в) тактика адаптации к различиям в невербальных способах передачи информации; г) тактика адаптации к культурным и ментальным различиям и др.

В научном дискурсе адаптационная стратегия реализуется в настоящее время в работах сопоставительного плана, и прежде всего, на наш взгляд, в книге Ю. Е. Прохорова и И. А. Стернина «Русские: коммуникативное поведение» [Прохоров, Стернин 2007]. Блестяще сделанное в этой работе параметрическое описание русского коммуникативного поведения в сопоставлении с коммуникативным поведением американцев, англичан и немцев способствует, как мы считаем, эффективной адаптации россиян к коммуникативным особенностям носителей

иного языка и иной культуры. Думается, что в ближайшее время подобная работа будет проведена и в аспекте контрастивно-сопоставительного описания русского и восточного (дальневосточного и ближневосточного) коммуникативного поведения.

В туристическом дискурсе функцию адаптации взяли на себя туристические проспекты и каталоги, содержащие многочисленные рекомендации, способствующие приспособлению человека к иному лингвокультурному сообществу.

Наконец, в публицистическом дискурсе функцию адаптации берут на себя не только газетно-журнальные издания, но и книги, рассказывающие о культуре иной страны и о релевантных для нее правилах поведения. Подобные тексты издавна популярны и востребованы в России; из современных публикаций такого рода можно отметить книги Ю. Ковальчук «Наблюдая за японцами. Скрытые правила поведения» (М.: Рипол-классик, 2011), А. Шляхова «Китай и китайцы. Привычки. Загадки. Нюансы» (М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2012) и ряд других изданий, помогающих россиянам приспособиться к чужой культуре, выработать толерантное отношение к ней.

И все же, несмотря на усиление интеграционных процессов, межнациональное взаимодействие не обходится (не может обходиться) без фактов деструкции дискурса, так как различия между языками и культурами слишком велики. Это относится прежде всего к способам выражения мысли на чужом языке, т. е. текстовым помехам, связанным с отступлениями от общелитературных, стилистических и жанрово-текстовых норм русского языка. Приведем пример (фрагмент рекламного текста), написанный арабским автором на русском языке. В этом фрагменте автор демонстрирует полное непонимание сущности русской пунктуационной нормы (текст приведен в оригинале):

Советы Здоровья и Красоты

Рекомендации по обретению прекрасного самочувствия Бесценный опыт Полный спектр препаратов Стресс, дела, работа, тревога — эти события накладываясь одно на другое, оставляют глубокие следы (из тунисского рекламного проспекта).

Однако деструкция межнационального дискурса возникает и под влиянием других помех — ментальных, речеведческих (отступлений от этикетных норм, принципов толерантного, паритетного общения) и пресуппозиционных. Сказанное проявляется главным образом в системе негативных оценок, которые фиксируются как научными

исследованиями, так и обиходно-бытовым сознанием.

Так, по данным социологического опроса, проведенного в 2007 г., ответы респондентов на вопрос «Какие чувства вызывает у россиян упоминание о различных странах мира?» свидетельствуют о том, что лидерами негативных оценок для россиян являются США, Польша, Китай и Украина [Андреев 2009].

В свою очередь, психолог Е. А. Гришина провела контент-анализ высказываний представителей англоязычных стран, которые проживают в России, с целью выявления адаптационных трудностей. По ее данным, количество негативных отзывов о России и о россиянах превышает количество отзывов позитивных. Наибольшее количество негативных отзывов получили регулирование общественной жизни в России, личные характеристики местного населения, значимые при взаимодействии, особенности поведения местного населения: «В структуре аспектов принимающей культуры, вызывающих адаптационные проблемы у представителей англоязычных стран, наиболее значимыми являются некоторые особенности национального характера и поведения местного населения („национализм“, „отсутствие политкорректности по отношению к меньшинствам“, „покровительственное отношение мужчин к женщинам“, „неискренность“, „леность“, „неприветливость“, „неотзывчивость“, „безынициативность“, „допущение телесного контакта с незнакомыми“, „пристальный взгляд“, „отсутствие улыбки“, „мрачный вид“, „курение в общественных местах“)» [Гришина 2011: 73].

На обиходно-бытовом уровне на взаимные негативные оценки не скупаются ни россияне, ни представители иных национальностей (приводить негативно-оценочные отзывы можно бесконечно). Подобные оценки во множестве отражены в интернет-дискурсе, ср. отзыв российского студента, попавшего в Германию в больницу, о коммуникативном поведении немцев:

В палате, кроме меня, лежат еще четыре человека. У моего соседа все время включен радиоприемник, из которого доносится громкая музыка. Когда я прошу выключить радио, он выполняет мою просьбу ... и включает на полную громкость телевизор — спортивный канал, по которому обычно показывают футбол.

К другому соседу все время приходят друзья и родственники. Причем за раз не менее пяти человек. Они шумят, смеются, не дают мне уснуть после обеда, попросить их выйти или замолчать я не мог, так как лежу в общей палате...

Когда я рассказываю эту историю в России, мне не верят. „Этого не может быть“, — слышу я каждый раз. Множество людей из России ездят лечиться в дорогие немецкие клиники и всегда остаются довольны обслуживанием. Вполне возможно, но я попал в обыкновенную городскую больницу и лежал там как студент-иностранец по обыкновенной студенческой страховке [Устюжанин 2013].

В заключение хотелось бы сделать следующий, возможно небесспорный, вывод. Речевая ситуация эпохи в настоящее время меняется именно потому, что Россия перестала быть изолированной от всего мира страной. Поколение, выросшее в 90-х гг. XX в., имеет иной лексический тезаурус, оно оперирует иными прецедентными феноменами, для него релевантна иная концептосфера, чем для старшего поколения. Инонациональные элементы массированно проникают в русский язык, речь и текст. Думается, можно утверждать, что каждый из нас (особенно молодежь) становится как свидетелем, так и участником смены коммуникативных парадигм — с интертекстуальной на межнациональную. Основным признаком межнациональной парадигмы являются два основных типа коммуникационных процессов: интеграционные, которые особенно заметны при исследовании газетно-журнальной и иных видов письменной речи, и конфронтационные (наиболее яркие источники — данные опросов, межличностная устная коммуникация, интернет-общение). Таким образом, современную российскую речевую ситуацию можно охарактеризовать как **конфликт конструктивных и деструктивных процессов** или **конфликт интеграции в мировое сообщество и конфронтации с ним**. Такая ситуация предполагает огромную работу ученых: лингвистов, психологов, социологов, педагогов, методистов, — призванных оптимизировать межнациональное взаимодействие в стремительно меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Л. Образ России и образ Запада в сознании россиян (середина 1990-х — 2007 годы). URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129804/>.
2. Бельчиков Ю. А. Взаимодействие функциональных разновидностей языка (контаминированные тексты) // Культура русской речи и эффективность общения. — М. : Наука, 1996. С. 335—357.
3. Бирюкова Н. С. Восприятие студентами прецедентных феноменов, используемых в современной массовой коммуникации : автореф. дис. / УрГПУ. — Екатеринбург, 2005.
4. Благой Д. Д. Новый русско-китайский разговорник для туристов и деловых людей. — М. : Цитадель-тройка, 2005.

5. Гришина Е. А. Россия глазами иностранцев // Вестн. МГЛУ. Сер.: Психологические науки. Вып. 7 (613). — М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 65—74.

6. Дао-Какао. URL:<http://www.anafor.ru/other/dao-kaoko.htm>.

7. Десять русских табу: взгляд из-за границы. URL:http://www.pravda.ru/-society/family/pbringing/19-08-2012/1125176-russian_taboo-0/.

8. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М. : Наука, 1996.

9. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М. : Флинта : Наука, 2006.

10. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002.

11. Стернин И. А. Основные тенденции развития общения в первой половине XXI века (попытка прогноза) // Коммуникативные исследования 2003. — Воронеж : Истоки, 2009. С. 4—19.

12. Устюжанин В. В Германии хорошо только тем, кто занимается наукой. 2013. 29.01. URL: <http://maxpark.com/community/1805/content/1819412>.

13. Фомина М. А. Современный русский язык. Лексикология. — М. : Высш. школа, 1983.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Э. Лассан